

Геннадий Муриков

*Д. В. Философов
и «новое религиозное сознание»*

Геннадий Муриков. Литературный критик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1958 году в г. Пудож Карельской АССР. Окончил филологический факультет ЛГУ. Работал учителем русского языка и литературы, редактором отдела критики журнала «Звезда», в редакции журнала «Литературная панорама», главным редактором газеты «Литературный вестник». Его литературоведческие и критические работы (их свыше трехсот) на протяжении последних сорока лет вызывают острую полемику. Не обошел вниманием ни одного значимого писателя. В годы перестройки первым публиковал материалы о личностях, долго находившихся под запретом (генерал Власов, Зиновьев, Бухарин, Замятин). Автор нескольких изданных книг. Лауреат премии журнала «Литературная учеба» (2010). Член редколлегии журнала «На русских просторах», колумнист журнала «Невский альманах».

Общеизвестно, что Дмитрий Философов, петербургский литературный критик и публицист, общественный деятель, был самым близким другом семьи Мережковских и вместе с ними участвовал в попытке создания обновленной христианской церкви, которой они дали название «Новое религиозное сознание». С теми или иными перерывами эта «церковь» просуществовала несколько лет в первом десятилетии XX века. Судя по дневниковым записям З. Гиппиус, там были придуманы свои обряды, молитвы, которые писал Д. Мережковский. Иногда на этих «храмовых служениях» присутствовали близкие им по духу петербургские культурные деятели: А. Блок, А. Белый и некоторые другие.

З. Гиппиус-Мережковская в дневниках подчеркивает, что именно она была инициатором создания этой «церкви». С воодушевлением она пишет о том, как она закупала ткани для нового церковного облачения, вино для причастия, тогда как Д. С. Мережковский и Д. В. Философов относились к этому с известной долей скепсиса. Конечно, со стороны Гиппиус здесь чувствовалась женская экзальтация. Ее неукротимая череда «влюбленностей» в Н. Минского, Д. Философова, а позднее в Б. Савинкова, В. Злобина и других приобрела эротически религиозную направленность.

«Новое религиозное сознание» начало развиваться еще в конце XIX века, когда в 1892 году Д. Мережковский выступил с лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Сначала новое литературно-художественное течение (символизм) несколько «буксовало», но его поддержала семья Дягилевых, непосредственных родственников Д. В. Философова, а особенно мать Д. В. — Анна Павловна Философова, урожденная Дягилева. Она субсидировала журнал «Мир искусства» и (возможно) помогала Мережковским в издании первого символистского журнала «Новый путь».

Сближение Мережковских и Философова было сложным. Об этом в начале века писали современники. Например, Вальтер Нувель, член редколлегии журнала «Мир искусства» однажды сказал, придя к Гиппиус: «А может быть, Вы не Бога ищете, а Философова, потому что у вас к нему личное влечение». «Испугавшись, — продолжает Гиппиус, — я стала глядеть внутрь себя, но ничего не могла увидеть, потому что влюбленность в Христа, как большой свет, заслоняла все в душе, и я не знала, что там. Но как раньше я никогда в себе этого не видела, то и осмелилась не бояться. Я же думаю, что пол — через Бога, а не Бог через пол...».

Дальше Нувель (судя по дневниковым записям З. Гиппиус) все-таки разгадывает ее тайную страсть к этому человеку. Но об этом чуть позже.

В одной из статей, посвященной творчеству В. В. Розанова, Д. Философов, кратко излагая мысль своего оппонента, писал: «Христианство, поставив аскетический идеал, убило счастье и радость. Жизнь осталась старая, только без радости, без искренней простоты. В мир вошел грех, земля потемнела». И дальше: «Логически Розанов стоит перед следующей дилеммой: или мир есть абсолютное зло, и тогда отрицающее мир христианство есть абсолютное добро, или мир — добро, а христианство — зло». Вывод такой: «Сам Розанов не нашел ответа на поставленный им вопрос» (из статьи «Слова и жизнь», 1906 г.).

Тут вопрос стоит несколько иначе, чем представляется Д. Философому. Это вопрос о религиозности полового общения, который занимал Д. С. и З. Н. Мережковских. Некую слабость христианства в проблеме «святости пола» Мережковские поняли еще в 90-х годах XIX века. Уже в 1920-х — 30-х годах Д. С. Мережковский обратил внимание на один интересный факт: еврейским пророкам по текстам Ветхого Завета никогда не разрешалось пророчествовать, если они не были женаты и не имели детей. Христос явно не подходил под эти естественные требования еврейских законоучителей. Отсюда и возник вопрос о том, что он был не мужчиной и не женщиной, а неким андрогинном.

Д. Философов был убежден в том, что нравственное учение Л. Толстого могло бы определить дальнейший ход русской мысли: «В том-то и оба-

ательность Толстого, что внутреннее благородство его личности, благолепие его духовной жизни прекрасны для нас сами по себе, вне идейных согласий или несогласий с его учением. Путь нравственного очищения, самоуглубления был для Толстого, может быть, тяжелее, чем для кого бы то ни было» (из статьи «Повседневный героизм Толстого»).

Обратим внимание, что эта мысль полностью противоположна суждениям Мережковского. В прославленной книге «Л. Толстой и Достоевский» Д. Мережковский признает за Толстым искренность плоти, яркость образов, но всю так называемую религиозно-философскую деятельность Л. Толстого он считает то ли глуповатой, то ли примитивной.

Напомним читателю, что знаменитый наш современник писатель Дэн Браун, автор романа «Код да Винчи», а также режиссер Скорсезе, снявший фильм «Последнее искушение Христа» по роману Никоса Казандзакиса «Последнее искушение», недвусмысленно говорят о том, что Христос «был мужчиной» и отцом ребенка от упоминаемой в Евангелии Марии Магдалины. Дальнейшие наследники Христа якобы стали французскими королями династии Меровингов.

Если Христос был мужчиной и мог иметь от своей жены детей, которые стали основателями царской династии, то совершенно ясно, что он не мог быть Богом. Поэтому и Мережковские, и Философов настаивали на андрогинности Христа. Они были убеждены: в образе Иисуса были воплощены древнейшие предания еще платоновских и доплатоновских времен, говорящие о том, что некогда существовал так называемый «третий пол», то есть андрогины.

С той поры, то есть с самого начала XX века, пути Мережковских и Философова сблизились. Особенно это проявляется в их оценках культурного развития России на переломе между XIX и XX веками.

«Ныне, когда произошел несомненный надлом в культуре XIX века, когда произошло катастрофическое столкновение не только культур социальных, но и национальных, расовых, “научиться” культуре без учителя и учебника, без проводника, пожалуй, еще труднее, неужели научиться самоучкой клинообразным надписям культуры умершей, ассиро-вавилонской» (Из статьи «Как не надо учить культуре», 1934 г.). Это поздняя статья Д. Философова, но показательна, что эпиграфом к ней он взял слова Мережковского: «Научиться культуре — не одна ли из задач, поставленных нам судьбой?».

Их сближало и отрицательное отношение к так называемому «историческому христианству». Учение о «новом религиозном сознании» подразумевало его критику. Вот что пишет Д. Философов в 1906 году: «Старая церковь всегда пристраивалась ко власти имущим. По-видимому, и “обновленная не излечилась от этого недуга”. (...) Они твердо верят, что без

них новый строй не обойдется» (Из статьи «Братство церковного обновления»).

Что касается общего религиозного состояния России в начале XX века, то Д. Философов был беспощаден в его оценках: «Нет тут ни христианства, ни язычества, ни первобытности, ни культуры. Вместо христианства — неблагоприятная обрядность. Вместо язычества — пьянство, драки. Вместо первобытности — московские ситцы, вместо культуры — нелепые звуки граммофона, доносящиеся из чайной. Царство теней, тусклых призраков. Страна воспоминаний. Реальна только угрюмая природа. За церковью, под крутым берегом, расстилается бледное озеро, сливающееся на горизонте с бесконечными мхами и болотами» (из статьи «Неугасимая лампада», 1910 г.).

Мережковский и Д. Философов во многом были близки и в понимании общественных процессов, происходивших в русском обществе, и в оценке революционных событий 1917 года. Весь самый трагический период 1917-19 гг. они прожили в колыбели революции — Петрограде, и в полной мере на собственном опыте осознали, что такое наступающий интернациональный коммунизм.

Как только представилась возможность, в декабре 1919 года Мережковские, Философов и работающий у них секретарем В. А. Злобин покинули Россию. С помощью Б. Савинкова они нелегально перешли через польскую границу и поначалу остановились в Варшаве. Гражданская война в России была еще в полном разгаре. В то время Германия уже капитулировала на восточном и западном фронтах, и в новообразованном польском государстве воцарился бывший друг русских революционеров Ю. Пилсудский, присвоивший себе звание «начальник государства». Д. С. и З. Н. Мережковские, Д. В. Философов и В. А. Злобин некоторое время жили в Варшаве, но в дальнейшем — и это оказалось окончательным — их пути разошлись. Почему-то — мы твердо не знаем, почему именно — Философову приглянулась новообразованное Польское государство. Мережковские и Злобин уехали в Париж, в котором они (Мережковские) незадолго до революции приобрели квартиру. Философов жил в Польше и в период ее оккупации Германией в 1939 году, до самой смерти.

Между ним и Мережковскими все эти годы продолжалась переписка, до сих пор, насколько мне известно, полностью неопубликованная. Архив Мережковского хранится в Иллинойском университете и в некоторых частных архивах, и нам недоступен. Узнав о смерти Д. Философова в 1940 году в оккупированной немцами Польше, Мережковские в Париже заказали в одной из русских православных церквей молебен, на котором присутствовали И. Бунин, И. Шмелев, В. Злобин и другие.

Нас интересует, главным образом, отношение Д. Философова к проблемам русской культуры. Обратим внимание на некоторые статьи Д. Фи-

лософова, например, «Братство церковного обновления» и «Церковь и революция». Традиционное христианское учение в то время критиковали многие, в том числе и Мережковские, но речь шла о возможном новом развитии христианства. Во-первых, непосредственно с точки зрения Нового Завета: «Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (гл. 21, стр. 25). Здесь подразумевается, что полный смысл богоявления еще не раскрыт, мир познает Бога в историческом движении. Во-вторых, как постоянно писал Мережковский, нас ждет откровение Третьего Завета. Эти направления Нового Религиозного Сознания в то время, а также в 1920-30-е годы, имели наибольшее значение, однако Д. В. Философов, руководствуясь своими личными соображениями, придал им несколько иное направление.

Очень интересны суждения Д. Философова о творчестве Достоевского: «Проблема Достоевского есть проблема русской культуры. Достоевского нельзя отвергнуть, — его надо преодолеть. Сделать это очень нелегко, но пора понять, что, не разобравшись в вопросах, поставленных Достоевским, мы непрестанно будем наткаться на непредвиденные сюрпризы» (из статьи «Загадки русской культуры»). И дальше: «Отношение наше к Достоевскому есть мерило нашей культурности. Если мы не поймем, что загадка Достоевского есть загадка русской культуры, мы неминуемо превратимся в бурбонов (т. е. пошляков — Г.М.)».

Д. Философов был глубоко убежден, что Достоевский выражал мировоззрение некоего нового слоя русской культуры, «нитчанцев». Отчасти это было правдой. Сам Ф. Ницше неоднократно писал, что творчество Достоевского оказало на него огромное влияние. Обратим внимание на статью Д. Философова «Серьезный разговор с “нитчанцами”» (1899 г.). Она направлена, как ни странно, против Владимира Соловьева, тогдашнего кумира символистов. И вот почему: тогда только что начал выходить журнал «Мир искусства», который объединил Д. Философова, Мережковских, С. Дягилева и многих других основоположников русской культуры Серебряного века. В. Соловьеву это очень не понравилось. Он, тогда уже тайне принявший католическое вероучение, как бы внутренне противопоставил себя всему кругу русских литераторов нового поколения, обзывая их «нитчанцами». В чем-то это было и справедливо. Нарождалась новая вера, русское вероисповедание — любовь к жизни и к творческому самосозиданию, к тому, что несколько лет спустя получит названия «богоискательство» и «богостроительство». Здесь, как ни странно, какими-то тайными путями сойдутся и Мережковские, и М. Горький, и В. Иванов, и даже Луначарский с Чичериним.

В вышеупомянутых статьях, а также в статье о Ф. М. Достоевском, Философов постоянно подчеркивает необходимость разрушения семьи, ликвидации «пола», то есть различий мужского и женского начал. Даже Мережковские, которые проповедовали «андрогинность», стали тяготиться обществом Д. Философова.

Вот запись из дневника З. Гиппиус от 19 марта 1912 года: «Дима вообще уже тяготился жизнью нашей, ибо ни общего быта создать мы не сумели, ни общего дела. Совместная жизнь (...) становилась тягостной». Одно время З. Гиппиус говорила, что лучшая форма «любви» — это влюбленность или просто любование, но Д. Философов изведаль и другую форму любви — гомосексуальную любовь-страсть, что глубоко ранило З. Гиппиус.

Вот одно из последних ее стихотворений, посвященных Д. Философову:

Когда-то было, меня любила
Его Психея, его Любовь.
Но он не ведал, что Дух поведал
Ему про это — не плоть и кровь.
Своим обманом он счел Психею,
Свою правдой лишь плоть и кровь.
Пошел за ними, а не за нею,
Надеясь с ними найти Любовь.
Но потерял он свою Психею
И то, что было — не будет вновь.
Ушла Психея и вместе с нею
Я потеряла его любовь.

Современному читателю нужно пояснить, что под «Психеей» З. Н. Гиппиус понимала себя, а «Он» — это и был Д. В. Философов, к которому, несмотря на свои мимолетные и даже страстные увлечения, она сохранила склонность до конца жизни. В. Злобин, который безмолвно любил Зинаиду Гиппиус, не домогаясь физической близости с ней, в воспоминаниях написал, что, когда Гиппиус узнала о смерти Философова, то к своему стихотворению приписала две строчки:

Но где б ты ни был — я с тобой,
И я люблю тебя, как прежде.

В 1945 году З. Н. умерла. В. Злобин лично обмыл ее тело и подхоронил в могилу Мережковского.

Мнения Д. В. Философова, несмотря на его близость к кругу Мережковских, в оценке явлений русской культуры порой очень резко отлича-

лись от их взглядов на нее. Книга Д. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» (публиковалась в 1900-1902 г. в журнале «Мир искусства») в свое время оказала колоссальное влияние на литературно-художественную общественность. Всецело ясны и отчетливо известны оценки Мережковским творчества Пушкина, но Д. Философов утверждает, что будто бы ему знакомы подлинные рукописи Л. Толстого, в которых написано так: «Что ж, Пушкин как поэт имел значение в свое время. Большое значение, которого он теперь, слава Богу, не имеет. Все это стремление сделать Пушкина народным, привлечь народ к чествованию его памяти — все это одна фальшь. Пушкин для народа нужен разве только "на сигарки"».

Философов, как ни странно, был очень склонен к воззрениям так называемых шестидесятников, ратовавших за социальный прогресс и демократию, подобно теперешним либералам. Это черта его мировоззрения резко отделяла его от позиции Мережковского. В 1907 году он пишет: «Необходимо свободное и широкое общение между людьми равными, и эта проблема разрешается социализмом. Вот как я определяю религиозное чувство» (из статьи «Горький о религии», 1907 г.). Именно в это время о таком же упоенном социализме мечтал и М. Горький (романы «Исповедь», «Мать»), а то, что вера в «светлое будущее» стала религиозной верой в определенных кругах, уже подводя итоги всему произошедшему, ясно сказал Н. Бердяев в книге «Истоки русского коммунизма».

После 1917 года вождь символизма В. Иванов с горечью констатировал: «Да, сей костер мы поджигали...». К сожалению, это горькая правда, и выводы из нее сказались и на судьбе Д. Философова.

В заключение приведу одну цитату из дневниковых записей З. Гиппиус о смерти Д. Философова: «Узнали, что умер Дима, я так в этом и живу. Я знала, что он умрет, что глубоко страдает и жаждет смерти. Я даже думала, что он уже умер, — трудно было себе представить, что он мог все это, и себя, пережить... А все-таки лучше не знать наверно» (из предисловия к той же книге А. Николюкина, с 11-12).

Смерть Д. Философова в условиях начавшейся Второй мировой войны произвела тяжелое впечатление не только на Гиппиус, но и на Мережковского. В это время Франция была уже оккупирована, и положение русских эмигрантов все усложнялось. Последнее, что им оставалось, — сплотиться. Думаю, что отчасти так и произошло. Не случайно Н. Берберова, кажется, сказала о миссии эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании». Это «послание» дошло до нас только в конце XX века.